

Случается, что жизнь играет с людьми в жестокие игры. У родителей-педагогов вырастают педагогически запущенные дети, у родителей-врачей — больные, у родителей-юристов — преступные.

Лично я в подобных ситуациях никакой закономерности не вижу. Скорее, наоборот. Считаю, что дети, как лакмусовая бумага, проявляют, делают видными все старательно спрятанные изъяны в профессиональной подготовке родителей: значит, не такой и квалифицированный был врач, педагог, юрист, каким казался окружающим.

Но тогда чего же ждать от детей обычным родителям? Что можно сказать, если в ответ на безграничную любовь, доброту, заботу о своих чадах они получают равнодушие, черствость, нелюбовь, равную жесточайшей ненависти?

МОНОЛОГ

Валентина МИНУЛЛИНА.

ЖЕСТОКИЕ ИГРЫ

На папке уголовного дела по обвинению Людмилы Власовой в убийстве родной матери пометка: «Начато 21 апреля 1997 года — закончено 18 июля 1997 года». Но эти временные рамки означают лишь одно: четыре месяца прошло со времени совершения преступления до вынесения судебного приговора. А в жизни начало этой трагической истории скрыто за толщей лет. Конца же ей пока не видно.

...21 апреля примерно в восемь часов утра соседка Вера услышала за стеной крик: — Караул! Убивают!

Она сердито постучала в стенку, подумав: надо бы милицию вызвать. Но крик почти сразу утих, и соседка успокоилась — скандалы в 91-й квартире были делом обыденным, и давно уже ни у кого в подъезде не вызывали никаких эмоций, кроме раздражения.

Позже, давая свидетельские показания, соседи в подробностях вспомнят и раннее

«Она злоупотребляет спиртными напитками и пропивает вещи из дома, и за это три года назад я ее выгнал».

утро, и весь день 21 апреля с точностью почти до минуты. Они расскажут, что примерно в шесть утра видели дочь бабушки Фаю Людмилу спящей на лестнице подъезда между третьим и четвертым этажами. Что слышали, как в 6.30 хлопнула входная дверь на первом этаже, и поняли, — Максим пошел на работу. Что минут за 10 до восьми бабушка Фаю выходила к подъезду, а спустя некоторое время в ее квартире раздался крик о помощи. Еще чуть позже видели выходящую из квартиры Людмилу, в руках которой был пакет с чем-то объемным. Что в течение дня дочь бабушки крутилась возле дома, изредка уходила куда-то и возвращалась все более пьяная. Что в кармане плаща у нее была бутылка водки, а из кармана брюк она вынимала свернутые рулоном деньги в довольно крупных купюрах, каких у нее давненько не было. Что видели на ее одежде засохшие пятна крови...

Мать родила Людмилу в 54-м году, уже в сорокалетнем возрасте. Старшей из ее четверых детей, Рашиде, уже исполнилось к тому времени 18 лет. Как и все последыши, младшая дочь была в семье особо любима и оберегаема. Может, потому она и жила так нетерпеливо и взбалмошно, что была уверена: в любой момент может быть укрыта родительским теплым крылом, что ее спасут, накажут и утешат?

После десятилетки она поступила в ПТУ, выучилась на швею и устроилась на швейную фабрику. Монотонная работа быстро наскучила, и Людмила ушла на обувную фабрику. Но и здесь ей не понравилось — тот же конвейер, слишком утомительно. Она пришла на металлургический комбинат.

В 76-м вышла замуж. В 78-м родился Максим, а вскоре она разошлась с мужем. Теперь уж была уверена, что личная ее жизнь не удалась. Людмила устроилась проводником на ЮЖД, оставив крошечного сынишку на попечение матери.

— Максима вырастила и воспитала бабушка, — сказала на предварительном следствии ее старшая сестра Рашида...

Они жили теперь втроем: бабушка, мать и внук. Но главным кормильцем в доме оставалась пенсионерка-бабушка, благо, тогда еще на пенсию можно было вполне прилично питаться и одеваться. И все б ничего, если бы не вод-

ка. Впервые узнав ее вкус в 21 год, в 23 Людмила уже систематически прикладывалась к рюмке. И теперь уже не сама она уходила на другую работу, а отовсюду «уходили» ее: увольняли по 33-й статье — за пьянку. Только на ММЗ она прошла через два цеха: третий холодно-прессовый и тарный.

С 33-й статьей в трудовой книжке на работу устроиться вовсе не просто. Но угрызения совести мучили Людмилу лишь до первого глотка водки, а потом оставалась одна забота — «догнаться» до кондиции и вовремя опохмелиться. Запой длились по 7-10 дней.

Старая женщина уговаривала дочь, ругала и жалела одновременно, то призывая вспомнить о ребенке, то — не губить свою молодость. Напрасные труды!

«Мать давно состоит на учете у нарколога, года четыре назад лечилась в ЛТП, уже более трех лет нигде не работает, раньше тоже нигде не работала подолгу — выгоняли. Я даже не помню, где она работала в последний раз. Она постоянно воровала из дома вещи и пропивала их. При этом кричала, требовала, чтобы ее кормили, неоднократно избивала бабушку веником, ножницами, табуреткой, грозилась убить. Три года назад я ее выгнал, но иногла она ночует дома, если трезвая...» (Из показаний Максима).

Они боролись за нее и оборонялись от нее вдвоем — бабушка и внук. Боролись и оборонялись, как умели, как понимали это сами.

Еще в 91-м году, когда Людмила лечилась от алкоголизма в ЛТП, бабушка Фаю оформила опекунство над 12-летним Максимом. После ЛТП Людмила пить не бросила. Спокойная и даже ласковая в трезвом виде, в пьяном она была ужасна: кричала, «крыла» матом мать и сына, дралась, бросала в них всем, что попадет под руку.

В 16 лет досыта натерпевшийся подросток впервые выразил протест против беспредного пьянства матери — он попросту выгнал ее из дому, разрешив появляться только в трезвом виде. Трезвой она практически не бывала, но вытанувшегося и возмужавшего сына все же побаивалась: приходила к матери, когда Максима не было дома. Бабушка Фаю ворчала, но все же подкармливала непутевую дочь. А Людмила, стоило старушке отвернуться, что-нибудь прихватывала из вещей — чтобы пропить.

«Когда родился Максим, Людмила работала проводником, и Максима вырастила и воспитала бабушка».

Максим, обнаружив пропажу, ссорился с бабушкой:

— Зачем пускаешь? Пусть работает идет!

Старшие сестры иногда оставляли Людмилу ночевать, особенно если у нее были деньги на бутылку. Компанию Людмиле частенько составлял муж старшей сестры Рашиды, а средняя Флюра и сама всегда выпить не прочь. Слушая пьяные претензии младшей сестры к матери и сыну, они охотно поддакивали: «Какие наглые! — на улицу выгнали из родного дома!» И нашептывали:

— Ты через суд квартиру раздели, тебе в ней законные метры положены. А то собаку завели, а живому человеку места в род-

ном доме нет. А Максим пусть в армию идет служить, а то, видишь, пристроился опекуном у бабки! Хитрый!

О том, что «метры положены» не Людмиными трудами, сестры умалчивали. Она

«Не знаю, за что тетка убила бабушку Фаю, наверное, за ее доброту».

же, подогретая «родственным участием» и водкой, грозилась:

— Если они квартиру не поделят, я их убью!

Бабушка с внуком знали, что Людмила может пропить что угодно, в том числе и квартиру. Приватизировав квартиру на себя, старушка сразу же по всей форме составила завещание — на Максима. Догадывалась ли 80-летняя женщина, что этими действиями она приближает час своей смерти? Кто его знает! Возможно, что-то и предчувствовала, потому и торопилась — это было единственное, что она могла сделать для выросшего в фактическом сиротстве Максима.

Узнав о приватизации квартиры, Людмила помчалась к Флюре за помощью, и та пришла к матери — поговорить. Но бабушка Фаю и слушать ее не стала:

«Сегодня я пришла в квартиру матери, чтобы ее убить за то, что мать уделяет все свое внимание моему сыну, а на меня никакого внимания не обращает. В связи с этим я ее сильно ревновала.»

— Своих детей учи, если они тебя послушают. Ты бы лучше сама бросила пить и Людке бы не велела. А о Максимке, кроме меня, и позаботиться некому.

Окончательно поссорившись с матерью, средняя дочь вообще перестала ее навещать.

За день до злосчастного 21 апреля Людмила в очередной раз ночевала у Флюры, и та передала ей письмо для матери:

— Я все ей высказала в нем. Она с тобой несправедливо поступила. Пусть делит квартиру: тебе с Максимом однокомнатную и себе однокомнатную.

— А иначе я убью или ее, или Максима! — завершила разговор Людмила. Флюра будто и не слышала этих слов.

На судебном процессе дочь Флюры, племянница Людмилы Галина Хабибулина однозначно оценила поведение собственной матери и своей старшей тетки Рашиды:

— Обе они очень корыстные. Мать моя в последнее время от пьянок и жадности вообще деградировала.

О Людмиле же сказала коротко:

— Не знаю, за что она убила бабушку, наверное, за ее доброту...

— Я сегодня пришла в квартиру к матери для того, чтобы ее убить за то, что мать уделяла все свое внимание моему сыну, а на меня никакого внимания не обращала, а в связи с этим я сильно ревновала, — заявила она инспектору милиции, задержавшему ее в тот же день по подозрению в убийстве.

...В пропитом мозгу Людмилы все прежние чувства к матери вытеснили обида и злость. Почти ничего не соображая, в ночь

с 20 на 21 апреля она пришла в подъезд дома по Индустриальной улице, где родилась и выросла. Поднялась на третий этаж, присела, даже задремала. Но дремота эта была тревожной; как у всех больных алкоголизмом. Она все прислушивалась к квартире на первом этаже. Слышала, как мать будила Максима, как сын собирался на работу. Наконец, в полседьмого дверь хлопнула, и Максим вышел из подъезда. Затем вышла мать, постояла недолго на улице и вернулась в квартиру. Людмила спустилась вниз и постучала.

Мать открыла дверь и сразу заворчала. Не слушая ее, дочь прошла на кухню, прямо из сковороды зачерпнула ладонью холодные макароны:

— Жрать хочу! Дай денег на опохмелку — ты ж пенсию недавно получила.

— Э-э, бессовестная! Вместо того, чтобы старой матери помочь, последние деньги у нее выпрашиваешь! Работать иди, хватит пьянствовать да по подвалам шлаться! Ты же молодая еще, и сын взрослый — не стыдно тебе?

Людмила выдвинула ящик стола, взяла из него большой кухонный нож и повернулась к матери. Увидев зверское выражение лица дочери, старушка отпрянула и закричала. В дверь застучала соседка, и Людмила, толкнула мать так, что та упала. Дочь сдернула какую-то тряпицу с решетки в коридоре, опустила на колени и заткнула матери рот — чтобы не кричала. Потом стала методично, один за другим наносить удары ножом: в шею, в грудь, в живот ослабевшей от ужаса женщине...

Убедившись, что мать умерла, она помыла руки и нож над раковиной в кухне, потом зашла в комнату и взяла со стола покрывало, чтобы накрыть ими труп: «потому что так положено по мусульманскому обычаю».

На теле бабушки Фаю эксперты насчитали 14 ножевых ранений. Дочь перерезала важнейшие кровеносные сосуды, задела ножом легкие и сердце. Если бы не это, бабушка Фаю могла бы прожить еще несколько лет — здоровье 83-летней женщины было достаточно крепким для ее возраста.

— Рассматривать такие дела очень тяжело, — говорит судья областного суда Вадим Степанович Коваленко. — Обратите внимание на старших дочерей бабушки. Это до какой же низости надо дойти, чтобы ради корысти натравливать сестру-алкоголичку на родную мать. К уголовной ответственности их не привлечешь, но по-человеческим меркам они виновны даже больше, чем Людмила. Она, по сути, была орудием в их руках.

«Экспертиза показала, что для своих 83 лет эта женщина была практически здорова и могла бы прожить еще несколько лет».

Суд приговорил Людмилу Власову к семи годам лишения свободы в колонии общего режима.

Бабушку Фаю похоронили. Максим остался один. И его тетки могут быть спокойны: теперь у племянника нет причин для отсрочки от армейской службы.